

Павел Шаров

МОЗАИКА

ЖИЗНИ

ЗАУРЯДНОГО

ЧЕЛОВЕКА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КРУТЫЕ ПОВОРОТЫ

Павел Шаров
Мозаика жизни заурядного
человека. Часть вторая.
Крутые повороты

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42541658
ISBN 9785449672759*

Аннотация

Автор книги – свидетель и участник бурных исторических процессов, охвативших страну с 1980-х годов вплоть до нынешних дней. Он наблюдательно и интересно изображает эти годы: встречи с замечательными людьми, веселые житейские истории, серьезные раздумья, профессиональные достижения – все это уникально, как неповторима сама человеческая жизнь.

Содержание

Несколько слов об авторе и его книге	5
Растем, братцы, растем	6
Назначение	6
Педагогика	15
Господин профессор	18
Повышение квалификации	20
Сачхере	27
Подарок	32
Нюансы развитого социализма	34
Вечный студент	39
На Мытном рынке	43
Антисемит	46
Черный кот	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

**Мозаика жизни
заурядного человека
Часть вторая.
Крутые повороты**

Павел Шаров

Дизайнер обложки Владимир Валентинович Мицкевич

© Павел Шаров, 2019

© Владимир Валентинович Мицкевич, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-7275-9 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-7227-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Несколько слов об авторе и его книге

Я в принципе не согласен с названием этой книги (а это действительно большая книга – большой труд!). Поскольку очень хорошо знаю и самого автора, и его произведения.

К сожалению, в молодом поколении сейчас я не вижу той жизнерадостности, открытости, любви и... да! Да! Молодости... Не буду продолжать – особенно в творчестве.

Павел Шаров как творческая личность уникален. Его поэтический мир многоспектрален. Я думаю, не ошибаюсь, называя его прозу поэзией. Она так образна и афористична, что иначе и назвать нельзя. Не зря же Гоголь назвал свои «Мертвые души» поэмой!

Его собранность достойна подражания, он спортсмен, великолепный организатор, жизнерадостный, светлый и веселый человек! Многие и многие концерты и творческие вечера он провел. И когда такое случалось, никто не уходил раньше времени. Всем хотелось пообщаться с ним подольше. Это, конечно, большой показатель и говорит сам за себя.

Мне весьма нравится его энергетика, его оптимизм. Мне очень приятно с ним общаться. Надеюсь, что наше содружество продолжится.

Член Союза писателей России Борис СЕЛЕЗНЕВ

Растем, братцы, растем

Назначение

После защиты диссертации в 1972 году я развернул бурную деятельность по разработке СВЧ-узлов в микроисполнении, в том числе входных преобразователей плотности потока СВЧ-энергии (ППЭ). Основная идея была в полном изменении принципа построения прибора. Раньше прибор по измерению ППЭ представлял собой комплект антенн, которые как бы собирали сигнал, распространяющийся в пространстве, далее входное устройство СВЧ-измерителя, то есть преобразователь, в котором размещен элемент, поглощающий эту СВЧ-энергию и, наконец, отсчетное устройство, регистрирующее реакцию этого элемента. Идея была в том, чтобы вывернуть «желудок» измерителя наизнанку, то есть элемент, поглощающий СВЧ-мощность, вывести наружу. Пусть сигнал СВЧ поглощается датчиком, распределенным в самом пространстве, а далее отсчетное устройство. Исключается куча металлических узлов, включая антенны со своими сложными частотными характеристиками. Появляется широкополосный прибор. Вот этот, распределенный в пространстве датчик в виде веера пленочных термопар, и был предметом разработки.

Второй моей задачей было создание цеха микроэлектроники на заводе РИАП¹. Для этой цели я сманил из специализированного института по СВЧ-узлам под названием «Салют» восемь специалистов. Они то и выполнили основную работу. На заводе РИАП появился оборудованный современной техникой цех по изготовлению СВЧ-узлов в микроисполнении на базе тонкопленочной технологии. Разработанные в центральном институте объединения ГНИПИ² и в СКБ РИАП³ микросборки стали применяться не только в производстве СВЧ-аппаратуры на заводе РИАП, но и на других серийных заводах главка МПСС⁴, занимающегося обеспечением страны радиоизмерительной техникой.

Если говорить сегодняшними словами, рейтинг мой рос, что не замедлило сказаться на моей дальнейшей деятельности. Меня вдруг вызвал зам директора по кадрам Сизов и сказал:

– К тебе высокие гости приехали.

Я вышел. Действительно, меня встретил бывший секретарь райкома партии, а ныне директор того самого крупного института «Салют» Панкратов.

– Павел Павлович, я хочу поговорить с вами о вашей даль-

¹ Завод Радиоизмерительной аппаратуры

² Горьковский научно-исследовательский приборостроительный институт

³ Специальное конструкторское бюро радиоизмерительной аппаратуры

⁴ Министерство промышленности средств связи

нейшей работе. Пойдемте, посидим в моей машине, прокатимся.

– Хорошо, поехали.

Мы приехали на одну из тихих улиц Дубенок⁵. Разговор шел о том, чтобы занять пост главного инженера этого института. Я попросил две недели на обдумывание. Когда я вернулся на РИАП, меня опять-таки вызвал заместитель директора завода и сходу ошарашил еще одним предложением:

– Пока вы катались с Панкратовым, я переговорил с Василием Павловичем (это наш директор завода) так вот мы решили предложить тебе должность главного инженера СКБ завода РИАП.

– А как же начальник СКБ Матвеичев?

– Не беспокойся, с ним мы этот вопрос утрясем, он возражать не будет.

Я еще раз попросил две недели. В «Салют» я решил проникнуть втихаря от директора, попросил одного из знакомых заказать мне пропуск и вошел туда, где меня пока не ждали. Задача была познакомиться с начальниками основных отделений института. Везде представлялся любопытствующим начальником отдела мелкого технического образования – СКБ завода РИАП.

В основном мне ребята понравились, но было какое-то ощущение излишней свободы, которой они были представлены. Поразил меня начальник отделения технологии полу-

⁵ Жилой район на окраине города Горького

проводниковых структур доктор химических наук Фролов. Он с энтузиазмом вдабливал мне новейшие достижения его отделения. В отделе фотолитографии он показал мне систему с координатографом, укрепленном на специальном отдельном фундаменте.

– Вот здесь мы получаем отверстия размером в доли микрона.

– А зачем? – задал я глупый вопрос

– Как зачем, – он с усмешкой взглянул на дилетанта.

– Какую конкретную задачу вы решаете этим достижением?

Дилетант задавал явно глупые вопросы.

– Как какую? Решение самой этой задачи – уже достижение в современной технике.

– Это мне понятно, но все-таки, у вас есть конкретное задание по созданию устройств, которые вы хотите изготовить с помощью этого техпроцесса?

Мы говорили на разных языках. У меня сложилось такое впечатление, что Фролов занимается фундаментальными исследованиями, игнорируя практические задачи прикладной науки. В цехе изготовления тонкопленочных и полупроводниковых микросборок частного применения я увидел целый ряд так называемых «чистых комнат». Из разговора с техническим руководителем цеха Леркой Макшановым, моим однокурсником, выяснилось, что высокие достижения в части создания технической базы цеха, увы, пока почти не ис-

пользуются. «Чтобы эту команду высококвалифицированных специалистов, – подумал я, – выстроить в единый строй для решения поставленных практических задач, надо, во-первых, самому быть высококвалифицированным специалистом, а во-вторых, надо очень много и долго потрудиться».

Я отказался, но отказался не по этим причинам. Основная причина была в том, что у меня в СКБ были свои интересные задачи. И пусть они выполнялись во сто крат меньшими ресурсами, но это были мои работы, я был в них влюблен и другой работы, не дай Бог, административной, мне было не надо. Так я стал главным инженером СКБ РИАП. Увы, мои мечты по поводу творческой работы потребовалось несколько отложить.

Наше небольшое СКБ было насыщено таким большим количеством тематики, что могло в этом плане конкурировать с более крупными разрабатывающими предприятиями, вроде института. Одним из таких направлений было направление разработок генераторов шумов. Начальником лаборатории, в которой проводились эти работы, был Лукин Сергей Иванович. Это был очень своеобразный человек. У него внутри, на мой взгляд, созрела очень большая, злая собака. Ему все не нравилось. Выполнять, например, распоряжения директора СКБ о направлении работников на сельхозработы и другие, несвойственные, работы, он категорически отказывался, в связи с чем был единственным обладателем двадцати выговоров. Сергей Иванович был когда-то ведущим

специалистом ГНИПИ, но, по каким-то причинам, застрял на уровне начальника лаборатории и превратился в человека «а я против», после чего его тихонечко сплывили из ведущего предприятия главка в только что организованную тихую обитель – СКБ РИАП. Его творческая жизнь не удалась, и это его бесило. Так уж устроен мир. Глядя на Сергея Ивановича, так и хотелось сформулировать: «И воздастся вам по результатам трудов ваших, а не по надеждам и вздыханиям».

Технический проект по новой разработке Сергей Иванович успешно проскочил случайно. Когда я попытался разобраться в ходе разработки, я увидел такую путаницу, от которой у меня голова кругом пошла. В отчете по техпроекту – одно, на практике – другое, в техническом задании по образцам – третье. Образцы, изготовленные для приемки Госкомиссии, ни в какие рамки не лезли, метод, заложенный Сергеем Ивановичем в основу прибора, не обеспечивал технические характеристики, заданные техническим заданием. Выяснилось, что заместитель главного конструктора Станислав Иванович, между делом, изготовил макет, используя традиционный метод, и этот макет худо-бедно можно было довести до положительного результата. До госкомиссии оставался один месяц, а работа в таком расквашенном состоянии. Я позвонил своему давнишнему знакомому еще по работе в ЦНИИ-11⁶ Спицыну Виктору Георгиевичу, главно-

⁶ Прежнее название института ГНИПИ

му инженеру Каунасского института. Этот институт был главным в отрасли по разработке источников радиозумов. Я объяснил ему ситуацию, попросил его направить к нам своего специалиста председателем комиссии с рекомендацией принять работу со сколь угодно большим количеством замечаний и рекомендаций и обещал до передачи документации заводу-изготовителю провести доработку.

И вот госкомиссия приступила к работе. Председатель – тот самый специалист из Каунаса. Лоялен. Но в процессе работы комиссии вдруг возникли непредвиденные обстоятельства. Сергей Иванович все делал для того, чтобы провалить работу. Он все время ввязывался в препирательства с председателем, тот приходил ко мне утрясать вопросы. Но Сергею Ивановичу не нравилось даже то, что вопросы снимались благодаря чьему-то вмешательству и помощи. Он создавал все новые и новые склочные ситуации с членами комиссии. Наконец, председатель пришел ко мне, заявил, что в такой ситуации он работать не может и готов сформулировать отрицательное решение комиссии. Мне пришлось снова позвонить Спицыну Виктору Георгиевичу.

– Так что у вас?

– Виктор Георгиевич, председатель на пределе. Сергей Иванович измотал его напрочь. Я очень прошу, вдохните в председателя еще чуточку оптимизма. Чуть-чуть осталось.

– А сам чего не вдохнешь?

– Так ведь я стараюсь, но мне помощь нужна. Вдохните,

пожалуйста.

И он вдохнул. И работа продолжилась.

Когда по вине Сергея Ивановича ряд приборов, используемых для контроля параметров испытываемых приборов, оказались не аттестованными в Центре стандартизации Госстандарта, я договорился с работниками Центра, срочно загрузил приборы в «Запорожец» Льва Елина, начальника бывшей моей лаборатории. Елин выполнил задачу, а потом доложил:

– Пашка, я сказал Лукину, какого черта я везу кучу приборов в своем хиллом «Запорожце», когда у тебя, мол, у проходной стоит своя «Волга»? И ты знаешь, что он мне ответил?

– Что?

– Я не дурак, драть свою машину для общественных целей.

– Спасибо, Лева. Обещаю, что это было его последнее философское изречение в качестве руководителя.

Работа была принята с замечаниями. Я пригласил к себе Сергея Ивановича и спросил:

– Сергей Иванович, где бы вы хотели продолжить свою плодотворную деятельность?

– На вашем месте, – ответил он.

– Это место уже занято. Если у вас нет других предложений, то я сделаю свое. Вы пойдете в лабораторию разработки бытовки ведущим инженером.

– А если я не пойду?

– Тогда вы пойдете искать работу.

– Это почему?

– Потому, что у вас двадцать выговоров, а этого вполне достаточно для увольнения.

Все, что было сделано Сергеем Ивановичем по генератору шумов, было выброшено. Главным конструктором был назначен Станислав Иванович, его бывший заместитель. В течение трех кварталов он в бешеном темпе разрабатывал нужную модификацию прибора. Это было начало моей трудовой деятельности в качестве главного инженера. Мечты о творческой работе пришлось на время отложить. Дальше – больше. Меня все дальше уносило от работы, которую я любил и в которой что-то понимал. Ишь ты! Приятную работу ему подавай, знакомую и интересную. А ты попробуй повозиться там, где ни черта не понимаешь. Есть одно волшебное слово в современном лексиконе: «Надо, Паня, надо».

Педагогика

Получив степень кандидата технических наук, в 1972 году я поступил на работу по совместительству, сначала на четверть ставки, потом на полставки доцента кафедры конструирования и технологии радиоаппаратуры ГПИ⁷. Проработал я так до 1987 года и ушел, когда времени для этого у меня, в то время уже директора СКБ РИАП, стало не хватать. Основная работа была настолько напряженная, что я, читая лекции по радиоматериалам по четыре часа подряд вечерникам и заочникам, отдыхал на этих лекциях и очень удивлялся, когда тот или иной доцент жаловался:

– Устал сегодня, две лекции подряд прочитал.

На экзаменах я разрешал пользоваться технической литературой и, более того, даже сам приносил несколько книжек для студентов. На выбор. Студенты уже знали мою привычку, выслушав ответы на билетные вопросы, продолжать беседу по всему курсу.

Запомнились и шуточные моменты. Однажды девушка, отвечая на мой вопрос, назвала явление в ферромагнетиках магнитоскрипцией. Я посмотрел на нее и сказал:

– Магнитоскрипция – это у вас в стуле, а явление называется магнитострикцией.

⁷ Горьковский политехнический институт

Однажды я должен был принять экзамены у группы из двенадцати человек. Староста группы, как самый смелый и ответственный человек, вошел в аудиторию и поставил на экзаменационный стол бутылку коньяку и бутылку шампанского. Я не смутился, попросил старосту поставить бутылки на подоконник и не уходить до тех пор, пока сдадут экзамен все до одного его товарищи. С двумя девчонками пришлось довольно долго, разговаривать. Я задавал им серию вопросов, они напряженно изучали литературу, отвечали и получали следующую серию вопросов. Часа за четыре они таким образом проштудировали 50—70 процентов курса и я, наконец, поставил им по трояку. Потом я позвал старосту, вручил ему бутылки и сказал:

– Бутылки здесь стояли для того, чтобы вы были спокойны и уверены в успехе. Теперь же они пригодятся вам для снятия стресса. Погода хорошая, идите на откос.

– Пойдемте с нами, Павел Павлович.

– Не могу. Во-первых, не пью; во-вторых, низзя – я преподаватель; в-третьих, низзя – я главный инженер предприятия.

Довольные ребята гурьбой отправились обмывать удачную сдачу экзамена, расслабиться. Думаю, если бы я был с ними, расслабиться бы не получилось.

Однажды ко мне подошел секретарь парткома завода РИ-АП Буланкин.

– Поставь трояк одному моему протезе.

– Нет вопросов. Поставлю. Пусть подойдет.

Подошел. Я дал ему книгу и сказал:

– Прочитай всю и приходи. Получишь трояк.

Пришел. Я взял книгу, открыл первую по тексту страницу.

Спросил:

– О чем это тут?

Ответил. Я перевернул книгу, открыл одну из последних страниц.

– А тут?

Тут он не знал. Не знал он и тут, и тут, и тут. Я отослал его снова читать.

– Начинай теперь с конца, – напутствовал я его.

После нескольких таких подходов взъерошенный блатной студент отвечал почти на все вопросы. Создавалось впечатление, что он выучил учебник наизусть... местами. Я, как и обещал, поставил ему трояк... По блату.

Господин профессор

Через несколько лет работы по совместительству в ГПИ в качестве доцента кафедры конструирования и технологии радиоаппаратуры я узнал основных корифеев радиотехнической науки в этом вузе. Одним из них был профессор, назовем его Смоленский. Скрыть истинную фамилию профессора побуждает меня пикантность ситуации, происшедшей с ним. Это был невысокого роста человек, плотного телосложения, вышесреднего возраста, с лицом Черчилля. Когда он проходил мимо, его лицо заставляло окружающих прекратить броуновское движение, выстроиться в ряд и почтительно пронаблюдать прохождение господина профессора. Настоящий Черчилль когда-то говорил, что когда входил Иосиф Виссарионович Сталин, непроизвольно появлялось желание встать. Так вот, когда проходил профессор Смоленский, хотелось вскочить, построиться и скорчить почтенную рожу.

Однажды, в теплый воскресный майский день на Верхневолжскую набережную высыпало множество празднично одетого народа. Утомленные прошедшими зимними морозами, люди вдыхали свежий весенний воздух, и весеннее настроение побуждало их улыбаться и подставлять под солнечные лучи счастливые лица.

Я вдруг увидел, как, по тротуару, сгорбившись, степенно

вышагивает маленький «Черчилль» с таким сверхсерьезным выражением на лице, что люди останавливались и пропускали его как небольшого размера корабль, раздвигающий направо и налево все, что встречалось на пути. Шел он, слегка сторбившись, наклонив туловище вперед, скрестив руки за спиной, почти так же, как это делают конькобежцы. Прогулочный шаг его чем-то напоминал гусиную поступь. Голова его была выдвинута вперед, нижняя челюсть – тоже, взгляд устремлен прямо, мимо оторопевших прохожих. Он шел, как солидный гусь, выбрасывая вперед то одну, то другую ногу.

Особенностью внешнего вида этого величественного корабля было то, что у него напрочь были расстегнуты все пуговицы на брюках, а поскольку, как я уже сказал, шел он, нагнувшись корпусом вперед, место на брюках, которое должно быть застегнутым, расхлебянилось настежь. Он шел, и народ расступался перед ним, не решаясь подойти к нему и сказать о беспорядке в его туалете. Так он профланировал от памятника Чкалову до поворота на Сенную площадь, сохраняя чувство достоинства, не догадываясь, что его достоинство тоже вот-вот готово было прогуляться на свежем воздухе.

Повышение квалификации

В 1977 году родное наше Министерство промышленности средств связи решило заняться подготовкой в плановом порядке главного звена управления промышленностью – директоров предприятий, в том числе директоров НИИ и КБ⁸. Почему главного? Да потому, что в системе повышения научно-технического потенциала страны пятилетние и годовые планы развития уже не могли рождаться в кабинетах министерских работников. Вал научно-технических задач так быстро разрастался, что если бы министерские руководители, несмотря на свой достаточно высокий технический уровень, попытались управлять этим процессом, не обращая внимания на нарождающиеся высококвалифицированные кадры на предприятиях-разработчиках, то страна эта только и занималась бы внедрением кукурузы в районах мертвой мерзлоты.

Сама жизнь подсказала принцип планирования, заключающийся в том, что руководители направлений разработок на местах, как правило, доктора и кандидаты наук, на основе знания уровня зарубежной техники, формировали план задач на ближайшее будущее и на долгосрочную перспективу, предлагали эти задачи на утверждение в научно-тематические подразделения министерств. Далее эти прожекты пре-

⁸ Конструкторское бюро

вращались в жесткий план, принятый специалистами министерств и утвержденный чиновниками, а, в большинстве случаев, Военно-промышленной комиссией, не выполнить который уже было нельзя. Система отчетности давила всякую возможность отлынить от выполнения того, что сам придумал.

Вот почему в стране заработал принцип отбора и воспитания руководителей научно-технических предприятий, не только обладающих чувством ответственности за порученное дело, как это было на заре Советской власти, но и достаточно грамотных, чтобы, как минимум, со знанием дела барахтаться на гребне бурного потока развития мировой науки и техники. В такую группу я – главный инженер СКБ радиоизмерительной аппаратуры – и попал в феврале 1977 года.

Группу человек тридцать собрали со всего Советского Союза в Москве, посадили в автобус, отвезли в село Покровское и разместили на пятом этаже в двухместных номерах действующей гостиницы. Первые четыре этажа были пустые. В первый же вечер нас ждал приятный сюрприз. Оказывается, рядом расположился шикарный дом отдыха, из здания которого звучала призывная музыка танца. Гостиница наша использовалась в летнее время для отдыхающих, а в зимнее время пустовала.

Несмотря на то, что наши занятия проводились в Москве, и, следовательно, большую часть времени мы в гостинице от-

сутствовали, тем не менее, ежедневное торчание в номерах по вечерам в течение четырех месяцев вряд ли выдержал бы мужик любого аскетического воспитания. А тут мы, и совсем уж от аскетизма далекие. Поэтому нас постепенно понесло осваивать близлежащие пространства, в которые попадали такие замечательные во всех смыслах места, как дом отдыха ВТО (дом отдыха творческих работников), магазин вино-водочных изделий в селе и другие достопримечательности. Двухместные номера по вечерам превращались в многоместные с приглашением гостей из среды аборигенов и отдыхающих.

Потребовались кое-какие организационные мероприятия. Старостой группы был избран Леша Молчанов, главный инженер Киевского института. Его заместителем выбрали меня. Поскольку Леша обладал явно выраженным характером лидера, то он сразу же полез на трибуну, чтобы произнести глубокую речь с огромным количеством предложений. Естественно, что выполнять эти решения должен был я, его заместитель.

Не зря говорят: «Большому кораблю – большое плавание». В соответствии с этой поговоркой, Леша впоследствии стал директором Мытищинского института, а потом и главным инженером шестого Главного управления МПСС – моим начальником. Среди нас был будущий член-корреспондент Академии наук Ульянов Адольф (Интересное сочетание, правда? Адольф и Ульянов.) – генеральный директор

ГНПО⁹ «Кварц», куда входило и СКБ, в котором я работал Главным инженером. Среди нас был Виталий Хохлов – главный инженер Саратовского НИИ, а в будущем – начальник Главного технического управления министерства и много, много других неординарных личностей. Я же, как бывший член профкома ГНИПИ по культурно-массовой работе, пытался направить по вечерам бурный поток волеизъявлений очень энергичных (не зря же все они стали главными инженерами) людей с различными интересами в какое-то более-менее организационное русло, чтобы вся эта энергичная компания после коллективного застолья не ходила на ушах, а перемещалась в цивилизованном направлении.

Должен прямо сказать, что заставить эту компанию играть в ладушки или хотя бы подчиниться какой-то единой концепции времяпровождения было невозможно. Ничего не поделаешь – личности. Поэтому, я в конце концов, и оставил свои попытки как-то влиять на творческий процесс этого самого времяпровождения, превратившись сначала в наблюдателя, а потом и сам поплыл по течению того бурного потока воскресных и вечерних событий, который, к тому же, был во всех отношениях приятен и интересен.

Два дома отдыха, село с достаточным количеством интересных молодых людей, магазин с вином и закуской. Всего этого было достаточно, чтобы наша гостиница превращалась по вечерам в гудящий улей из высококвалифицированных

⁹ Горьковское научно-производственное объединение

персонажей различной степени поддатости.

Надо сказать, что еще на первом собрании в Москве, в аудитории института повышения квалификации МПСС я, по привычке, спрятался за задним столом и вдруг на первом ряду обнаружил вроде бы знакомую лысину. Когда лысина повернулась ко мне лицом, я узнал в ней моего сокурсника Матвея Кокина. С момента окончания Горьковского университета прошел двадцать один год и, тем не менее, я его узнал по лысине, тем удивительнее, что двадцать один год тому назад лысины у Матвея не было. Матвей (Мотя) оказался секретарем парткома Каменск-Уральского радиотехнического предприятия. Обоим встреча была приятна.

Однажды, в воскресенье, после принятия на грудь, мы пошли с Матвеем через лес в село. Я, по своей еще спортивной привычке старался много не выпивать, а Мотя не был обременен подобным самоограничением. По возвращении домой Мотя куда-то пропал. Я стал искать его и нашел. Ему, видите ли, стало жарко, и он зашел по колено в воду на середину какой-то маленькой речушки и умывался, блаженно улыбаясь. Если учесть, что было начало апреля, мы ходили в пальто, кое-где еще был снег, то выглядел Мотя весьма экзотично. Пришлось срочно тащить его домой под горячий душ.

Еще более экзотичный случай произошел с главным инженером одного Дальневосточного института. Было заведено запираеть входную дверь гостиницы где-то в двенадцатом часу ночи. Так вот, во втором часу ночи кто-то начал грохо-

тать в дверь. Дежурная тетя Дуся подошла, чтобы открыть, и сквозь стеклянное окно увидела нечто, от чего попыталась потерять сознание, но передумала, взвизгнула и побежала к нам на пятый этаж. Был конец марта, и время снежного человека прошло. Этот был глиняный.

– А что он сказал? – спросили мы тетю Дусю.

– У!.. У! – ответила она, то ли подражая испугавшему ее страшилищу, то ли затрудняясь что либо выговорить.

Не добившись от нее ничего, кроме известного уже «У..! У..!», мы спустились посмотреть на того, кто так напугал тетю Дусю. Когда его впустили, он представлял собой сплошной ком глины с вытарашенными окулярами.

– Ты кто, мужик?

Мужик сделал по-женски книксер и представился. Окуляры вытарашились у всех. Ни фига себе! Наш! Оказалось, что он в определенной степени кондиции переходил по доске какую-то глубоко вырытую траншею метров шесть шириной, наполовину наполненную водой. Как и следовало ожидать, он туда плюхнулся. Попытался выползти по скользкому глиняному обрыву. Не получилось. Сполз обратно. Попробовал снова. Уже подползая к краю, снова съехал. Началась борьба за выживание, которая после многочисленных попыток увенчалась успехом. Подойдя к гостинице, начал стучать в дверь, оставляя на ней грязные отпечатки. Когда подошла тетя Дуся, начал орать, что он живет... вот тут. Когда тетя Дуся увидела его в окно, у нее отказали все органы чувств,

в том числе и слуха. Единственно, что заработало с утроенной силой, так это ноги. На пятый этаж она влетела порхающей бабочкой.

На следующий день страдалец рассказывал, что, войдя в свой номер, он в первую очередь открыл горячую воду в душе и зашел туда, как был – в верхней одежде, решив по мере отмывания грязи снимать с себя одежду. Отмыл пальто, снял. Отмыл ботинки, снял. Отмыл штаны и пиджак, снял. Наконец, снял рубашку, трусы и завалился спать. Каково же было его удивление утром, когда он, проснувшись, обнаружил, что завалился спать в мокрой майке, под которой обнаружился огромный ком глины.

Когда в июне месяце мы, наконец, возвращались домой, в записных книжках у нас было очень много реквизитов новых знакомых, поскольку, пока мы жили в селе Покровском, там сменилось семь-восемь заездов в домах отдыха.

Сачхере

Я приехал из подмосковья домой, когда моя жена Галочка и дочка Леночка были уже в Грузии, в поселке Сачхере, в пансионате отдыха. Сначала были телеграммы радужного содержания: «Все в порядке, живем хорошо, купили тебе подарок». Вдруг, телеграмма: «Срочно приезжай! Леночка заболела!» Ничего себе «приезжай!». В Грузию! В разгар сезона! Стал искать пути. Один мой знакомый, бывший студент заочного отделения радиофака Горьковского политеха, у которого я принимал экзамены, будучи доцентом по совместительству, а теперь начальник радиотехнического узла аэропорта, – устроил меня в самолет до Тбилиси в качестве какого-то груза.

В Тбилиси 40 градусов жары. Изнываю. Уговорил кассиршу продать мне билет до Зестафоне, а там рядом и Сачхере, где отдыхают моя жена и чадо. Вагон пустой, окна без стекол, проводника нет. Естественно, нет и постельных принадлежностей. Страшно устал. Лег как есть и заснул. Проснулся от страшного холода. Оказывается, едем через перевал. Из плюс сорока да в нулевую температуру. Левая нога не разгибается. Больно. Покраснело. Растет какой-то фурункул. Кое-как доскакал до такси и... в Сачхере. Пока добирался, у Леночки все прошло.

Оказывается, она, такая любознательная, взяла да и поню-

хала там какой-то цветочек. А нюхать его было никак низзя. Вот у ней и пошли волдыри по телу. Так объяснила заведующая по хозяйству пансионата – черная грузинка средних лет – по совместительству выполнявшая функцию врача. Моя Галочка не поверила корифею медицинской науки, решив, что Леночка что-то там съела, и потребовала для своего ребенка клизму и укол от температуры. Клизму искали всем персоналом пансионата. Нашли. Шприц не нашли.

Когда я приехал, Галочка вычистила клизмой внутренности Леночки. Этого оказалось достаточно. Леночка выздоровела. Пришлось преодолеть удивление и неудовольствие кухонного персонала и потребовать исключить острый перец из ингредиентов пищевого рациона детей. Доморощенный врач долго еще после этого долдонила, что острый перец – это грузинский шоколад, но русские отдыхающие этого никак не понимали и все после обеда хватались за животы. Так или иначе, проблема, под нажимом отдыхающих, была решена, и в рационе вместо харчо и чахохбили появились щи, борщи и котлеты. Что касается меня, то я с удовольствием уплетал местную, экзотическую для нас, пищу, съедая в день по две головки чеснока.

А нога болела. За игрой в бильярд я познакомился с молодым парнем, отдыхающим в пансионате с женой и ребенком. – Астахов – представился он мне.

Потом оказалось, что это довольно известная личность, поскольку он оказался призером Европейского первенства

боксеров в одной из средних весовых категорий. Кроме того, он оказался еще и врачом-хирургом по профессии. Показывая ему свою левую полусогнутую ногу с большой шишкой на внешней стороне бедра, я попросил его:

– Слушай, давай взрежем этот фурункул, надоел проклятый. Вон, на гору бы залезть или хотя бы станцевать с женой вечером. Хожу как инвалид.

Хирург отнекивался, отшучивался, на зарядку бегал без меня, а я вынужден был довольствоваться сражениями в бильярд под коротким названием «Ударим по шарам!». Было, правда, еще одно удовольствие: употребить хорошего грузинского вина под сдобренный специями шашлычок.

Однажды какой-то любитель спорта пригласил моего звездатого товарища выпить своего вина. Тот, конечно, потащил с собой и меня. Пришли. Хозяин извлек бурдюк вина, поставил на стол три пивные кружки и стал разливать в них это самое вино. Выпили по кружке. Хозяин налил еще. В это время, узнав о нашем застолье, в комнату ввалился огромного роста участковый милиционер. Меня поразило не то, что он был выше двух метров ростом, а то, что в ширину он был почти такой же, а лица у него было столько, что в обыкновенное ведро его голова наверняка бы не влезла. Налитая ему кружка вина была опрокинута внутрь, как будто без единого глотка. Естественно, день-то был жаркий. Сколько раз хозяин наливал наши кружки, я уже не помнил. Единственно, что зафиксировала память, это то, что огромный многолитро-

вый бурдюк был выпит нами как «Бермудский треугольник» из песни Высоцкого. Еще я обратил внимание, что, несмотря на сгустившуюся темноту – (а была уже ночь) – можно было вполне выключить лампочку, так как лицо нашего блюстителя величиной порядка с абажур излучало столько инфракрасного света, что могло вполне конкурировать с люстрой, освещавшей нашу скромную трапезу.

В это время два наших семейства (а мы все проживали в четырехэтажном здании в отдельном для каждой семьи номере) в сопровождении сочувствующих охали и ахали под звездным небом, высыпав на свежий воздух. Ахали и охали по поводу пропажи самого дорогого из вещей, что было у них, а теперь вот пропало, то есть нас с Астаховым. Поиски участкового милиционера не дали результатов. Тоже пропал.

Разволнованная группа переживающих женщин вдруг увидела где-то в тумане фигуру милиционера с двумя мужчинами по бокам.

– Ведут, ведут! – зашумела толпа. – Ваших ведут.

По мере приближения картина несколько прояснялась. Стало видно, что здоровый милиционер держит за шиворот, как щенков, двух мужиков.

– За что это их? – заволновалась толпа.

Группа во главе с милиционером, тем временем, приблизилась совсем близко, и стало видно, что мужики, которых он привел, не вяжут лыка не только языком, но и ногами.

– Ваши? – спросил милиционер, глядя на женщин.

– Да, да, – закивали наши жены.

– Палучите, – сказал милиционер и повесил каждого из нас на принадлежащую каждому жену. Повернулся и пошел восвояси, освещая дорогу своим излучающим свет лицом.

Операцию по вырезанию фурункула Астахов так и не провел. И правильно сделал. Когда мы с женой и дочкой закончили отдых в Сачхере, мы спустились на побережье Черного моря. Купались. Меня чего-то зазнобило. Я пошел попариться в баню. Из бани я приполз почти на четвереньках с температурой в 40 градусов. Нога покраснела, как лицо того милиционера после восьми кружек вина. Меня увезли в больницу. Там выяснилось, что у меня, во-первых, не фурункул, а тромб, связанный с простудой в поезде и усугубленный острой пищей, и, во-вторых, в связи с загрязнением кровеносных сосудов во время купанья, меня поразила неизвестная тогда мне болезнь – рожа.

Возвращались мы в Горький самолетом. Стюардесса с некоторым недоверием посматривала на мой костыль, сделанный мной из ствола небольшого дерева, раздвоенного на одном конце для упора в предплечье. Веселые, отдохнувшие, порхающие как бабочки, члены моей семьи вернулись домой. Я порхал на одной ноге.

Подарок

На этот раз производственные обстоятельства развели нас на целый месяц на расстояние в две тысячи километров. Если раньше мы полным семейством: я, моя жена Галя и дочка Леночка – проводили отпуск вместе, то в данном случае я в летнюю жаркую погоду должен был торчать на работе, а Галя с Леночкой – отдыхать на сочинских пляжах. Поскольку у меня на работе была запарка, связанная со сдачей очередного этапа опытно-конструкторской разработки, время пролетело быстро и закончилось небольшим застольем разработчиков и членов Государственной комиссии.

Вечером, проводив взглядом поезд, уносящий друзей из приемной комиссии, я завалился спать и проснулся часов через двенадцать, протер глаза, освежил лик холодной водой из-под крана и тут только вспомнил, что я, такой-сякой, в рабочей напряженке совсем забыл заглядывать в почтовый ящик.

Заглянул.

«Е-мое!» Позавчерашняя телеграмма гласила, что отпуск моего семейства благополучно закончился, и оно возвращается домой. Оказалось, что Галя и Леночка, отдыхая под южным солнцем, не забыли и про меня. В телеграмме черным по белому было напечатано: «Везем тебе дорогой подарок».

Вечером того же дня я топчусь на первой платформе Мос-

ковского вокзала в ожидании поезда, в котором едут мои дорогие жена и дочка, не забывшие в круговерти насыщенного событиями южного отпуска про меня, трудягу, свидетельством чего я вот-вот получу сувенир. Какой сувенир? Я пока не знаю. Да это и неважно. Главное – забота.

И вот вдали раздается гудок приближающегося поезда, вот нужный вагон, и вот, вот они – мои загорелые, улыбающиеся, дорогие.

Объятья, поцелуйчики. Лена достает из сумки долгожданный подарок и протягивает мне... красивый, здоровенный РОГ?!

– Это тебе мама купила, – весело улыбаясь, говорит она.

Прошло много лет, а этот рог до сих пор красуется в числе различных призов и сувениров доказательством заботы моей Галочки обо мне.

Нюансы развитого социализма

Когда в СССР приехал президент США Никсон, он привез с собой чемоданчик. Нет, не такой чемоданчик, какой, по мнению большинства нашего населения, был привязан к левой руке (а может, и к правой ноге) генерального секретаря КПСС. Речь идет о чемоданчике, с помощью которого Никсон, находясь в любом помещении в Москве, даже, если он в Сундуновских банях, мог связаться по телефону с абонентом в любой точке земного шара. Вот это да... а! Иностранная штучка понравилась Леониду Ильичу, по-видимому, значительно больше, чем золотое ситечко Остапа Бендера людоедке Эллочке.

– Давай махнемся, не глядя, – сказал Никсон.

– Готов любое кресло отдать, – ответил Брежнев, – у меня их значительно больше двенадцати.

– А чемоданчик не отдашь? – облизнувшись, спросил Никсон.

– Не... чемоданчик не отдам.

– Это почему?

– Так ведь без моего чемоданчика ты у меня свой обратно в два счета отнимешь.

Юмористические события после отъезда Никсона происходили так, что Ильф и Петров отдыхают. А происходило следующее.

Леонид Ильич вызвал к себе двух радиооруженосцев: министра радиопромышленности Калмыкова и министра электронной промышленности Шохина. И поставил задачу: сделать чемоданчик, как у Никсона, и точка. Оказалось, что Калмыков, в ведении которого находились разработки и выпуск средств связи, не может выполнить эту трудную задачу из-за отсутствия соответствующих исходных комплектующих изделий, а вот Шохин, который по роду своей деятельности должен был эти комплектующие изделия поставить Калмыкову, может. Он просто по каким-то, одному ему известным, причинам забыл показать эти изделия тем, кому они предназначены. Вот и упал у товарища Калмыкова престиж. Ну, упал и упал, это же не трагедия. От этого жена от мужа не уходит. Просто товарищ Калмыков уступил свое кресло двум другим, новому министру радиопромышленности и министру вновь организованного Министерства промышленности средств связи. Даже кресла иногда «раздвоятся». Престиж Шохина, напротив, поднялся и тут уж не только жена, сама фортуна раскрыла перед ним широкие объятия. Нет нужды рассказывать, как после этого развивалась наша отечественная промышленность средств связи. Гораздо интереснее, что после этих исторических событий возник, а точнее, стал бурно развиваться феномен развитого социализма, а именно, соревнование смежных отраслей между собой за главный приз – благосклонное отношение вышестоящего. Обладание этим призом стало заветной

мечтой многих руководителей всех уровней, став путеводной звездой их деятельности в ущерб общему делу.

Промышленность страны бурно развивалась, планов «громадье» реализовывалось в реальных объемах производства, и управлять всем этим, выстроить руководителей в единый ряд для решения главных задач становилось все трудней и трудней. К тому же, таких организаторов, как Орджоникидзе, Куйбышев, становилось все меньше и меньше. У руководителей высшего звена управления появились технические секреты друг от друга. Единая команда стала расползаться, иногда мешая друг другу, за что такой-сякой Иосиф Виссарионович в свое время отправлял без разговоров прямо на вешалку, как минимум для того, чтобы взять там свою верхнюю одежду и больше тут не появляться.

Нас, разработчиков новой техники, этот феномен тоже касался иногда, и совершенно неожиданно. Мы ведь хотели что? Как можно больше и лучше. И вот, получив задание разработать вольтметр для измерения напряжения видеоимпульсов в динамическом диапазоне до ста вольт, наша творческая мысль породила специальный делитель, чтобы получить возможность измерять еще и импульсы до тридцати киловольт. Руководство главка удивилось нашей прыти. «Вот те на! Это ж прямо для Министерства Электронной Промышленности». Мне объяснили, что наша задача – приборы общего назначения, а вот эта приставочка, не что иное, как спецтехника, лишняя нагрузка для нашего произ-

водства. Чем больше таких приставочек, тем быстрее наше министерство превратится в приставочку к Министерству Электронной Промышленности.

То же самое произошло с разработками нашего очень грамотного разработчика Володи Островского, который, следуя в ногу с линией на автоматизацию измерений, разработал электронно-управляемые источники электропитания на верхние пределы до трех, пяти и десяти киловольт. Ну, прямо для различных СВЧ-средств, разрабатываемых в Министерстве Электронной Промышленности. Приказано было прекратить. Помните, как милиционер увидел нарушителя на угол и приказал «прекратить!». Тот повернулся к милиционеру, но не прекратил. Так вот, мы сказали «есть», но не прекратили. А когда случилась Чернобыльская трагедия, к нам пришло требование срочно передать документацию на эти самые источники. А если бы прекратили?

А когда в 1977 году я, движимый идеей подготовить хороший диплом после четырехмесячной подготовки на курсах директоров, облазил все НИИ, КБ и заводы главка и соорудил пятисотстраничный фолиант о настоящем и будущем нашей микроэлектроники, показал его заместителю главного инженера ГНИПИ Насонову Владимиру Сергеевичу, так тот посмотрел этот фолиант, взглянул на меня осуждающе и сказал:

- Сколько экземпляров сделал?
- Три.

– Спрячь и никому не показывай. Если главный инженер главка Андрущенко увидит, он этим фолиантом с грифом ДСП¹⁰ тебе башку размозжит.

Пришлось укоротить в четыре раза. Оценка оценкой, а секреты развития надо беречь. И не только от проклятых капиталистов, но и от глубоко уважаемых соратников по построению материально-технической базы коммунизма.

До сих пор я вспоминаю подвижника отечественной радиотехники, директора ГНИПИ Горшкова Александра Порфирьевича, который вынашивал идею унифицированных узлов (УФУ) для измерительной техники, которыми комплектуются приборы и их запасное имущество. Были разработаны конструкции, изготовлены образцы. Вынашивал, вынашивал идею, но... роды так и не состоялись. Помешала политика, которая заключалась в том, что УФУ нужны всем, их надо много, и мы, под давлением обстоятельств, превратимся в поставщиков-подсобщиков, потеряв значительность выполняемых задач. Представляете ситуацию, когда вы, обладатель лимузина, вдрызг испортили одно колесо, а отдельно колеса не продаются, извольте купить новый лимузин? Так вот, ситуация сложилась такая, что если при эксплуатации прибора потерян какой-нибудь входной узел, прибор надо выбрасывать, а УФУ так никто в производство и не запустил. Феномен!

¹⁰ Для служебного пользования

Вечный студент

Уже будучи главным инженером СКБ РИАП, я по старинке с интересом контролировал работу отдела микроэлектроники, где был когда-то начальником. Народ там был, как и везде, разный, но некоторые товарищи особенно выделялись своими индивидуальностями. Володя Рождественский – инженер по фото-литографии – отличался безудержным энтузиазмом. Он всегда что-то программировал и никогда ничего не доводил до конца. На работе у него всегда было много прожектов, и требовалась определенная настойчивость, чтобы заставить его делать то, что надо. И он делал. И хорошо делал. Там же, где он решал самостоятельные задачи, все, как правило, погибало под громадьем прожектов. Я из отдела. Например, как студент физфака Горьковского госуниверситета (ГГУ), он добрался таки до защиты диплома, но, увы – получил двойку. Ко мне пришла делегация из отдела просить помощи: «Затюкали человека!»

Председателем комиссии по приемке дипломов был мой знакомый, начальник отделения НИИИС¹¹ Лев Николаевич Тюльников. Когда-то он был начальником отделения в ГНИПИ, а я – секретарем партийной организации этого отделения. Приходилось разбираться в той жесткой обстановке подсиживания и засиживания, которая была создана не без

¹¹ Научно-исследовательский институт измерительных систем

его участия, и которая отличалась тем, что там больше занимались взаимоотношениями, чем работой. Я, как человек, в жестких ситуациях спокойный, когда успешно, а когда и безуспешно выполнял роль кота Леопольда. Причем, обе противоборствующие стороны всегда были мной недовольны, поскольку я почему-то, разобравшись в ситуации, не принимал именно их сторону. Моей же целью всегда было снять накипь пустого противоборства, обнажить объем чисто рабочих задач, сунуть туда правых и виноватых и поздравить всех с окончанием успешных поисков путей решения этих задач.

И вот я в Горьковском госуниверситете. Продолжается работа комиссии по приемке дипломных работ. Ко мне выходит Тюльников.

– Привет, Паша. Чего ты пришел?

– Вы завалили одного моего инженера. Чего можно придумать?

– Рождественский, что ли? Так он сам себя завалил. Я еще ни разу не встречал человека, который не понимает вопросов. Ему вопрос, а он опять про шилишпера.

– Понятно, понятно. Я знаю Рождественского, как свои пять пальцев. Вопрос в другом – что можно сделать? Повторить защиту можно?

– Теперь этот вопрос может решить только декан.

– А где найти декана?

Декан не пришел. Пришел его заместитель.

– Здравствуйте, – обратился я к нему, – Владимир Рождественский уже давно учится на вашем факультете. Если оставить его еще на год, боюсь, он бросит все, и мы потеряем специалиста.

– А он специалист?

– Да, своеобразный, но специалист. Дело свое знает неплохо.

– Вы, Павел Павлович, правильно отметили, что он давно у нас учится. Насколько я себя помню, он все время здесь учится.

– Ну и что? Вам это нравится?

– Вы знаете, в определенной степени, да. Это как неотъемлемая часть факультета, амулет, что ли. Факультет существует пятнадцать лет, и, мне кажется, все эти годы на нем учится Рождественский. Сначала – на очном отделении, потом – на вечернем. А теперь, на заочном.

– Так и что?

– Что, что! Привыкли мы к нему, вот что. Уйдет Рождественский, что будет с факультетом?

Шутка мне понравилась, но все-таки мы договорились повторить защиту.

– Только не сейчас. Немного погодя. Надо подготовить профессорско-преподавательский состав к утрате, – продолжал шутить зам. декана.

Через некоторое время Рождественский защитился, получил диплом инженера-физика и покинул факультет. Факультет

тет был в трауре.

На Мытном рынке

Где-то в середине семидесятых я, молодой главный инженер, с пятеркой в кармане, зашел на Мытный рынок и вспомнил, что дома нет моркови, и что именно морковь заказывала мне моя жена Галочка. Вот они – бойкие торговые ряды. Чего только нет! (Во, фраза! Чисто русская. Правильней было бы сказать – «чего только есть».) Все есть. И морковь, конечно, тоже есть. Я вытащил свою пятерку, попросил взвесить мне моркови на целую трешницу. Взвесили. Я повернулся, и уже пошел было домой, да вспомнил: «А два рубля?!»

– Эй, хозяйка, сдачу давай.

– Какую еще сдачу?

– Я тебе пятерку дал, а ты мне моркови на трешницу. Два рубля давай.

– Ты че, забыл что ли? Я ж тебе дала.

– Послушай-ка, тетя, может, ты кому чего-нибудь и дала, только не мне. Кончай шутить, давай два рубля.

И тут женщину разнесло такой бранью, что я даже подумал: «А не уйти ли мне от этого шума? Черт с ними, с двумя рублями». Но перспектива добираться до Канавина, где я жил, без копейки в кармане удержала меня от этого необдуманного поступка.

– Послушай, женщина, я серьезный человек, видишь –

в шляпе и в очках, – неужели ты думаешь, что я стал бы тебя обманывать?

Но женщина еще больше распалась.

– Вот что, тетя, будешь матом лаяться, на штраф нале-
тишь, понятно?

– Люди добрые, – взвыла продавщица, – поглядите на него. Ишь ты, шляпу надел! Очки напялил! Вон таки зенки налил! Да держи ты, подавись этими двумя рублями!

Я взял два рубля и ушел, сопровождаемый многоэтажно-значительными восклицаниями рассерженной продавщицы. Сел на Черном пруду на трамвай номер один и поехал к себе домой на улицу Совнаркомовская. Не проехав и одной остановки, я сунул руку в карман, вынул рубль из тех двух, что лежали в кармане, собрался, было, заплатить три копейки за трамвай. «Стоп! Это ж не тот карман!» Сунул руку в другой карман, там тоже два рубля! «В этом кармане два рубля и в этом два рубля?! Откуда? Мать честная! Выпорил!» На остановке Лыковая дамба вышел и побежал по Свердловке к рынку. Подхожу к прилавку. Продавщица аж глаза вытаращила.

– Что?! Опять?!

В руке рассвирепевшая женщина держала здоровенную свеклину, приготовленную для взвешивания. Я понял, что если я сейчас поведу себя неправильно, то этой, не взвешенной еще, свеклиной женщина взвесит мне чуть пониже полей моей черной шляпы, после чего эту шляпу некоторое время

будет трудно одевать на голову.

– Опять, опять, тетя. Не волнуйтесь, пожалуйста. У меня к вам вопрос: вы в дальнейшем будете верить серьезным мужикам в шляпах и в очках?

– Ни... ког... да!

– И напрасно. Вот вам ваши два рубля с моими глубочайшими извинениями. И прошу вас: верьте, пожалуйста, мужикам в шляпах и в очках, если, конечно, они серьезные.

И я пошел домой. Уже подъезжая на трамвае к моей остановке, я обнаружил, что, в порыве глубокого раскаяния, я оставил сетку с морковью на прилавке у обиженной женщины.

Антисемит

Я вообще-то человек простой и к эфиопам отношусь беспристрастно. Хорошо работает эфиоп, значит хороший эфиоп, плохо работает – плохой эфиоп. Но вот с Гуревичем Евгением у меня произошли некоторые разногласия. Взяли мы его на работу для организации новой лаборатории САПР¹², заниматься автоматизацией процессов разработки радиоизмерительной техники. Гуревич сразу же окунулся в работу и через пару дней принес мне проект автоматизации механического цеха завода.

– Стоп, стоп, стоп. Евгений, не туда потопал. Нам, в первую очередь, надо автоматизировать процесс разработки печатных плат. Производством пусть другие занимаются. Поспорили, поругались, но я настоял на своем.

– Грамм полезного дела дороже тонны фантазий, – сказал я ему.

Начался подбор кадров. Смотрю подготовленный список для приема на работу и вижу: программист Шамсонов, программист Фрухт, математик Альтшулер и так далее.

– Слушай, Евгений. Почему у тебя в списке одни фрукты: математики да программисты. А кто оборудованием будет заниматься?

Снова начали спорить. Спор кончился тем, что я сам на-

¹² Система автоматизированного проектирования

шел ему заместителя по оборудованию, татарина Исакова Равиля Абдулбяревича. Взрыв возмущения.

– Что нос воротишь? Отчество Абдулбяревич не нравится? Зови его Абдулбярковичем или Надулбярковичем. Ему все равно. Он работу любит, а на твое отношение к его отчеству ему наплевать.

И я утвердил ему в качестве оператора ЭВМ чеченку. Он снова возмутился. Возмущался он до тех пор, пока его лаборатория не превратилась в многонациональное образование. Однажды он явился ко мне в кабинет и заявил:

– Вы, Шаров, антисемит.

– Это что это? – говорю. – Тебе что, Советский Союз не нравится, как воплощение дружбы народов разных национальностей, культур и вероисповедания?

– Вы, товарищ Шаров, против моей национальности, поэтому и антисемит.

– Послушай, Евгений, извини, но я не знаю точной формулировки, что такое антисемит, но сдаётся мне, что не я, назначивший тебя начальником лаборатории, а ты, собирающий команду по национальному признаку, и есть этот самый антисемит. Что же касается меня, то для меня – и я повторил ему слова о моем отношении к эфиопам – хороший эфиоп тот, кто хорошо работает, а плохой – тот, кто плохо работает.

Черный кот

Этот черный кот с вытаращенными глазами выскочил из-за ближайшего угла с явным намерением перебежать нам дорогу в самый торжественный момент, когда мы, наконец, собрали последние шмотки, выстроились по росту: я – папа, дочка Леночка одиннадцати лет и мама. Я последний раз проверил, выключен ли газ, мама последний раз выругала меня за это идиотом-перестраховщиком, заперли на все запоры дверь. Я три раза проверил, заперта ли дверь, мама еще раз обругала меня перестраховщиком. Нагрузились вещами: на меня взвалили здоровый рюкзак и два здоровых чемодана, на маму – сумочку, на Леночку – помогать маме, и двинулись вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.